

**К ВОПРОСУ О НОРМЕ В СФЕРЕ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ
(на материале польского и русского языков)**

Рассуждения о взаимосвязи сочетаемости слов и нормы затрагивают различные аспекты и уровни обобщения понятия нормы. Мы будем рассматривать норму и в самом общем плане – как определенную упорядоченность, форму порядка, присущую действительности в целом и языку в частности, и в узком смысле – как «языковую норму», реализуемую в языке и понимаемую как совокупность стабильных языковых средств и правил их употребления.

Изучение языка, в особенности в рамках системно-функционального подхода, ведет к установлению закономерностей и механизмов функционирования языковых единиц. При таком подходе изучение сочетаемости слов оказывается в центре лингвистических исследований, поскольку позволяет раскрыть семантическую специфику слов, структуру лексического значения, иерархию входящих в него сем, специфику формирования свободных и устойчивых сочетаний, т. е. все то, что по сути дела является сферой функциональной реализации лексем, областью, на примере которой можно наглядно проследить «семантическую жизнь языка». Указанный подход позволил вывести изучение сочетаемости слов из круга сугубо прикладных дисциплин и дал толчок широкому изучению и описанию норм сочетаемости лексем, т. е. ее закономерностей, механизмов и правил. При этом были применены и уточнены понятия семантического согласования, синсемичности, семантической валентности. В лингвистической литературе укрепилось различие семантической и лексической сочетаемости, то есть той, для которой могут быть раскрыты семантические основания существования того или иного сочетания, иными словами, его семантическая мотивированность, и той сочетаемости, которая не является реализацией некоторых обобщенных категориальных семантических признаков, а носит устойчивый (повторяющийся, воспроизводимый) характер в силу определенной языковой традиции, привычки, закреплённости в практике языкового общения основной массы носителей языка.

Выявление наличия таких сочетаемостных норм, механизмов и правил стало мощным инструментом лингвистического описания и позволило реализовать ряд крупных лингвистических проектов, направленных на фиксацию этой нормы. К ним относится, в частности, словарь сочетаемости польских глаголов под редакцией К. Полан-

ского ([SSGCP]), в котором была предпринята попытка формализовать описание глагольной сочетаемости в польском языке и дать правила ее в виде формул: например, для глагола *otwierać* 'odmykać *coś zamkniętego*' – $NP_N \text{ ---- } NP_{Acc} + (NP_I) : NP_N \rightarrow [+ \text{ Anim}]; NP_{Acc} \rightarrow [- \text{ Anim}; - \text{ Abstr}]; NP_I \rightarrow [\text{ Instr}] [+ \text{ Anim Pars}]$: '*pies otworzył drzwi łapą*'. Формулы вкпе с краткими иллюстрациями употребления сочетаний являются основным средством представления функционирования глагола, дефиниции значения являются весьма краткими, вспомогательными и могут даже вообще отсутствовать.

Еще более широкая фиксация разных видов сочетаемости предложена в Толково-комбинаторном словаре И. А. Мельчука и А. К. Жолковского ([Мельчук 1995]), где материал базовых лексем не ограничивается лишь глаголами и их облигаторными валентностями. Вокабулы ТКС учитывают около 60 типовых семантических отношений между лексемами, которые реализуются в рамках правильных словосочетаний.

Еще одним примером лексикографической аппликации системно-функционального комплексного подхода к сочетаемости и выявления нормативного аспекта в ней является новый словарь синонимов под редакцией Ю. Д. Апресяна ([НОСС РЯ 1999]). В словарных статьях этого словаря наглядно представлено диалектическое взаимодействие лексических значений слов и их сочетаемости (проявляющееся в том, что значение слова устанавливается на основе изучения его сочетаний с другими словами; в то же время сочетаемость слова рассматривается как реализация его значения). Этот словарь является прекрасным примером последовательного подхода к поиску семантико-мотивированных оснований особой, неодинаковой сочетаемости семантически близких слов, что чрезвычайно важно в первую очередь при изучении синонимии, поскольку наличие различий в сочетаемости должно восприниматься как сигнал наличия в этих словах определенных различающихся смыслов. Словарная статья построена таким образом, что сначала из сочетаний со словами синонимического ряда извлекаются смысловые признаки, присущие каждому члену ряда (см., например, ряд со стержневым словом *страх*), а затем изложение меняет направленность, дается обратная иллюстрация, например: «поскольку боязнь несильное чувство и может контролироваться субъектом, то невозможны или сомнительны такие сочетания, как *он думал с сильной боязнью; ?от боязни перестал соображать». Т. е. таким образом построенная словарная статья содержит интерпретацию языковой реальности (конкретных языковых произведений) и на ее основе дает мотивацию ограниче-

ний сочетаемости, что, в свою очередь, приводит к фиксации нормы сочетаемости для данной лексемы и ее синонимов.

Обусловленность сочетаемости слов имеет сложный характер и не ограничивается лишь семантической мотивацией. В языке закрепляются определенные готовые формулы (сочетания определенных лексем) для выражения определенных смыслов в определенных ситуациях, так называемые фраземы (см. [Chlebda 1991]), при изучении которых выявляется влияние на сочетаемость прагматических факторов и интенции говорящего. При порождении высказывания смысл, который говорящий хочет донести до адресата, структурируется говорящим и облакается в «речевые одежды», и выбор сочетающихся лексем осуществляется не только под влиянием семантических механизмов, но и в зависимости от ситуации общения. При этом происходит верификация соответствия осуществленного выбора лексических единиц исходной цели высказывания и конкретным обстоятельствам данного акта коммуникации. Все эти обусловленности тоже могут быть проанализированы и зафиксированы в ряде закономерностей, тенденций и правил, чему служат широкие исследования в рамках теории речевых актов, функциональной стилистики, широко понятого речевого этикета.

Однако, изучая сочетаемость, мы сталкиваемся и с другим аспектом ее соотношения с понятием нормы. Объясняя, формулируя и фиксируя нормы сочетаемости слов, мы должны определить отношение к случаям нарушения этих норм. Признание необходимости семантического согласования элементов сочетания или требование так называемой «компатибельности» (то есть совместимости) слов в связанном тексте иногда приводят к выводу, что несовместимость понятий свидетельствует о возникновении «асемантических», «неправильных» предложений (ср. ставший уже классическим пример Н. Холмского: *Colorless green ideas sleep furiously*; или же примеры «неправильных» предложений, приводимые Ст. Кароляком: *'Muzyka jest dziewczyną'*, *'Szklanka sthumila radość'* [Karolak 1984] и др.). Правда, признается, что некоторые из таких выражений можно интерпретировать как метафоры. Но, с другой стороны, совершенно очевидно и то, что метафора есть явление, широко представленное в языке, которое не может и не должно интерпретироваться в терминах «языковой ошибки», или как исключение, или как нарушение каких-либо правил. Таким образом, рассмотрение метафорических сочетаний затрагивает особый аспект проявления языковой нормы, а вопрос об отношении метафорических сочетаний к нормам сочетаемости, существующим в языке, требует особого подхода и решения.

В этой связи стоит вспомнить рассуждения Н. Д. Арутюновой ([Арутюнова 1999]) об аномалиях в языке, где она обращает внимание на то, что беспорядок более информативен, чем норма, поскольку не сливается с фоном. Отклонение от нормы чрезвычайно важно для познания действительности и ее явлений, поскольку самые важные ее аспекты скрыты от нас по причине их шаблонности и привычности. Отсюда вытекает и важность языкового эксперимента, в качестве которого могут рассматриваться и неологизмы, неосемантизмы, метафорические представления предметов и их свойств и другие средства обогащения языка и его выразительности. Н. Д. Арутюнова замечает, что приемы, свойственные языку художественной литературы, практически целиком созданы отклонениями от семантического шаблона. Отсюда следует, что метафорические сочетания, нарушающие нормы семантической и лексической сочетаемости, оказываются в то же время языком не только востребованы, но и обусловлены. Многочисленные исследования метафор (имеющие зачастую еще античные традиции) подчеркивают, что метафора является необходимым условием жизни языка как инструмента, способного выражать неограниченные смыслы. Противоречивость метафоры (метафорического сочетания) как феномена, нарушающего норму и в то же время этой нормой (языковой системой) санкционированное, отражает глубинное противоречие логического основания метафоры: в метафоре синтезируются черты несовместимых противопоставленных понятийных категорий (концептов, по терминологии Н. Д. Арутюновой) – подобия и тождества ([Арутюнова 1999: 282]). Но именно эта алогичность метафоры, позволяющая сравнивать несопоставимое, элементы разной природы, и делает ее универсальным механизмом выражения новых смыслов без необходимости создания новых единиц.

Рассуждения об обоснованности и санкционированности существования в языке метафорических сочетаний, не укладывающихся в нормы сочетаемости, зафиксированные для «обычных», неметафорических сочетаний, ставят ряд вопросов. Во-первых, существуют ли какие-либо границы, ограничения для метафорической сочетаемости, или допустимо любое сочетание слов, если оно может быть истолковано, интерпретировано как метафора? И второй вопрос, так или иначе связанный с ответом на первый, – существуют ли какие-либо закономерности, правила создания метафорических сочетаний, правила, которые могут быть выделены, описаны, зафиксированы как своего рода норма метафористики данного языка?

Что касается ответа на первый вопрос, то вспомним слова польского поэта Тадеуша Пейпера, который утверждал, что можно создать единое семантическое целое из любых двух произвольно выбранных слов (так, из предложенных для эксперимента критиком Ижиковским слов *milczenie* и *tyfus* он создал ставшее потом знаменитым метафорическое сочетание *milczenie tyfoidalne*). Авторы «Очерка поэтики» ([Miodońska 1978: 338–339]) продолжают эти опыты и предполагают, что даже для столь разных слов, как *tramwaj* и *miłosierdzie*, не имеющих никаких общих сем и семантических характеристик, нельзя исключить метафорических сочетаний *tramwaj miłosierdzia* или *tramwajowe miłosierdzie*, хотя здесь вступает в силу фактор целесообразности, обусловленности контекстом и намерением говорящего, что должно помочь отделить семантическую изобретательность от семантических нелепостей. Об этом же упоминает Н. Д. Арутюнова, говоря об удачном языковом эксперименте, который раскрывает резервы языка, и неудачном, который намечает его пределы. Другими словами, такие пределы, ограничения существуют, но их трудно установить, они в большой мере подвержены действию субъективных факторов. Таким образом, следовало бы сначала ответить на второй вопрос: а существуют ли некоторые ориентиры, механизмы, позволяющие описывать метафорическую сочетаемость изнутри?

Представляется, что одним из путей, позволяющих прийти к решению этой задачи, может быть предложение включить изучение метафоры в широкую проблематику сочетаемости, что позволило бы выявить взаимозависимость между механизмами возникновения неметафорических и метафорических сочетаний. Такой подход на материале польского языка реализуется, в частности, в монографии П. Врублевского ([Wróblewski 1998]). Предложенная концепция учитывает опыт критического восприятия многих лингвистических интерпретаций метафоры (см. обширную библиографию вопроса, приведенную в книге) и синтезирует их достоинства. При данном подходе метафора рассматривается как словосочетание, а не метафорическое значение слова. Возникновение метафоры – это не изменение значения слова, а результат взаимодействия (столкновения, конструирования) семантических компонентов, входящих в состав значений двух и более слов. Интерпретация метафоры осуществляется на основе различения нескольких конвенций восприятия действительности (реальная – метафорическая – квазиреальная – фантастическая – ироническая). И выявленные, описанные, апробированные нормой языка правила сочетаемости являются обязательными

лишь в конвенции реальной (Р), с опорой на наивную картину мира: *marzą – ludzie; placzą – istoty żywe; dojrzewają – zboża, owoce*. Воспринимая сочетания *drzewa, kwiaty, domy – marzą; drzewa, ziemia, skrzypce – placzą*, носитель языка осознает их противоречие с реальностью, но на основе определенной условности может этот смысл принять. Признание метафорической конвенции (М) позволяет отбросить обязательные в конвенции Р ограничения семантической сочетаемости лексем. Между Р и М существует постоянная связь: только через отнесенность к Р можно интерпретировать сочетания в конвенции М (чтобы интерпретировать метафорическое сочетание *dziewczyna zgasila twarz*, его необходимо соотнести с Р: *dziewczyna zgasila lampe*).

Метафорические сочетания, таким образом, не рассматриваются как нарушения правил языковой системы, а как сообщение, предлагающее изменение конвенции видения, восприятия мира. Возможность создания метафорических сочетаний заключена в языковой системе как потенциальная, это и обеспечивает открытость лексической подсистемы.

Последовательное применение компонентного анализа позволяет детально проследить семантический механизм метафоризации как взаимодействие («интеракцию») разных семантических компонентов, как обладающих семантической общностью, так и противоречащих друг другу. Наблюдение над разными типами метафор приводит к выводу, что они создаются по определенным общим синтаксическим и семантическим образцам, а различия между метафорами, построенными по одному образцу, зависят от лексического наполнения. Таким образом, наиболее индивидуальная и субъективная сфера сочетаемости оказывается доступной строгому лингвистическому анализу, результаты которого позволяют формализовать, диагностировать и прогнозировать метафорические сочетания. В качестве признаков метафорических сочетаний выделяются следующие: 1) нарушение семантической или лексической сочетаемости, свойственной лексемам при их буквальном понимании; 2) блокирование показателя реальности (что означает, что в результате сочетания данных лексем возникает смысл, реальное, буквальное восприятие которого невозможно, а возможна лишь интерпретация смысла в метафорической конвенции) и 3) возникновение смысла, который не может быть приписан ни одному члену данного словосочетания или некоторой самостоятельной лексической единице, а выражается лишь словосочетанием в целом.

В случае, если эти признаки не представлены в комплексе, мы будем иметь дело не с метафорическим сочетанием, а с разного рода нарушениями языковой нормы, с ошибками. Например: *Przebiegł 100 metrów w ciągu 2 sekund* – здесь имеется нарушение показателя реальности («такое невозможно») при соблюдении норм лексической и семантической сочетаемости, такое предложение мы квалифицируем как «ложное суждение»; сочетания *piwne włosy*, *kasztanowe buty* являются семантически непротиворечивыми и референционно оправданными, но в них есть нарушение лексической сочетаемости, и они квалифицируются как речевая ошибка.

Поскольку сочетаемость в конвенции Р и конвенции М взаимоисключается, то нормы и правила для метафорической сочетаемости можно формулировать, отталкиваясь от норм неметафорических сочетаний слов, т. е. нормы, правила метафорической сочетаемости являются производными от норм сочетаемости слов в конвенции Р. Например, метафорический потенциал лексем обратно пропорционален их семантической сочетаемости: он тем больше, чем уже, стабильнее семантическая сочетаемость лексемы. Важными факторами при определении метафорической потенции оказываются частеречная принадлежность и лексико-грамматические характеристики компонентов метафорического сочетания (например, конкретность – абстрактность, личность – одушевленность – предметность и др). Так, исследования польских лингвистов (см. монографию П. Врублевского) показали, что высокой метафорической потенцией в польском языке обладают глаголы, характеризующиеся категориальной сочетаемостью (валентностью) с личным субъектом и объектом (*akacje mdały; księżyc wskrzesił miłość; ten zapis klóci się z konstytucyjną zasadą*). Подобный механизм метафоризации действует и в сфере прилагательных: для прилагательных, обладающих системной сочетаемостью с личными существительными, будут достаточно широко представлены метафорические сочетания с неличными существительными (*zezowate szczęście; wścibski wiatr; niewierny księżyc*). И напротив, нарушение сочетаемости с неличным существительным в пользу личного также дает метафорический эффект. Так, метафорогенную группу в польском языке составляют одноместные глаголы, позицию субъекта при которых занимает название животного, называющие действия, свойственные животным (способы движения, звуки, питание, размножение и т. д.) В случае замещения типового зооморфного субъекта на личный мы получаем метафоры, негативно характеризующие человека (*Szefowa ciągle kracze; nowy kierownik za czymś tu węszy*).

Нарушения типичной семантико-морфологической сочетаемости лежат в основе таких метафорических сочетаний с наречиями, как *dziecko uśmiechało się słonecznie; sąsiad mgliście tłumaczył swe zamiary*. Эти наречия принадлежат к группе наречий, которые, как правило, выступают в предложениях, где подлежащее имеет семантическую связь с погодой и атмосферными явлениями, и не выступают в сочетаниях с полнозначными глаголами, причем метафорическое использование этих наречий является весьма частым, это приводит к его закреплению в семантической структуре этих слов, что и фиксирует словарь (см., в частности, словарь В. Дорошевского). Адвербиальные названия вкусовых ощущений также составляют группу слов, обладающих большим метафорическим потенциалом, и устойчивость такого их использования приводит к тому, что на сегодняшний день они в большинстве своем представляют лишь генетические метафоры (*wspominał gorzko te lata; uśmiechał się jadowniczo*). Наречия, называющие психофизические состояния человека, формируют метафорические сочетания, соединяясь с глаголами, имеющими «неличную» валентность (*czasowniki nieprzysobowe*): *wiednąć tęsknie; kwitnąć radośnie, żałośnie* и т. д.

Сигналом метафорического употребления может быть не только нарушение семантической сочетаемости, но и нарушение типичной синтаксической функции. Так, наречия, которые обычно не выступают в функции предиката в безличных предложениях (например, *grubo, długo, kwaśno, nagle, ciągle* и др.; см. [Grzegorzczukowa 1975]), при метафорическом употреблении могут выполнять и предикативную функцию (*było kwaśno / słodko / sztywno / chudo*).

На метафорическую сочетаемость влияют и такие семантические характеристики лексемы, как принадлежность к общему семантическому полю, наличие родо-видовой взаимосвязи. Так, гипонимы не обладают метафорической сочетаемостью со своими гиперонимами и наоборот (*pilot człowiek; to zwierzę jest koniem*). А если лексема, называющая некоторый класс предметов, проявляет метафорическую сочетаемость с определенным словом, то и слова, обозначающие элементы этого класса, будут обладать способностью образовывать метафорические сочетания (*drzewa drzewom się kłonią → brzozy brzozom się kłonią*). Сочетания слов, связанных антонимическими отношениями, будут иметь метафорический характер (*wesoły smutek, hałas ciszy*); это основной механизм возникновения оксюморонов.

Сигналом к метафорической интерпретации сочетания слов будут случаи, когда глаголы с так называемым «встроенным аргументом» употребляются в сочетании со словами иного значения, чем то, ко-

торое заключено в их структуре (например, *zasztyletować spojrzaniem; noc zarybiona gwiazdami*).

Подобные наблюдения над метафорическим потенциалом русских лексем были сделаны Н. Д. Арутюновой ([Арутюнова 1999: 362]). Она пишет, что наиболее очевидным метафорическим потенциалом обладают следующие категории семантических предикатов: 1) конкретные (физические) предикаты (прилагательные): *белый, светлый, темный, пустой, колючий, горячий, пресный*; 2) дескриптивные глаголы, в особенности те из них, которые включают в свое значение указание на способ осуществления действия и имеют одушевленный субъект (*шептать, кричать, глотать, грызть, рубить, пилить* и пр.); 3) предикаты, характеризующие узкий круг объектов и тем самым имплицитно указывающие предмет сравнения (*зреть, таять, спеть, увядать, приносить плоды*).

Следует подчеркнуть, что не все семантические характеристики слов, реализующиеся в их сочетаемости, имеют одинаковое воздействие на метафоризацию сочетания в случае их нарушения. Так, при рассмотрении глаголов, которые в качестве облигативной правосторонней валентности задают личное существительное во множественном числе или название совокупности лиц (типа *skrzyknąć, sprzaszać*), то нарушение признака личности объекта приводит к метафоре (*Adam skrzyknął na pomoc pobliskie drzewa*), а нарушение требования множественности – к речевой ошибке (**Adam skrzyknął na pomoc sąsiada*).

Еще раз обратим внимание на то, что для возникновения метафорического сочетания или такого, которое будет восприниматься как неправильное, ошибочное, важно, какой тип сочетаемостных зависимостей подвергается модификации: семантический или лексический. Во втором случае (при нарушениях лексической сочетаемости) чаще возникают ошибки или сочетания, имеющие юмористический оттенок. П. Врублевский отмечает, что для глагола, например, *terroryzować* (а также *ukrzyżować, zasztyletować, linczować, zgładzić* и под.) семантические требования ограничиваются одушевленностью объекта, однако узуально он выступает только с личными существительными. Нарушение семантической сочетаемости дает метафорический эффект (*człowiek sterroryzował rzeki*), а лексической – юмористический (*człowiek sterroryzował kreta / komara*).

Наблюдения над взаимодействием различных типов сочетаемости позволяют сделать вывод о том, что отступления от нормы не всегда являются препятствием для понимания текста; действующий здесь механизм нивелирования нарушений позволяет проводить

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

корректировку понимания (менять интерпретацию) и одновременно, что особенно важно, создает условия для формирования семантического эффекта воздействия на адресата.

Л и т е р а т у р а

- Chlebda 1991 – *Chlebda W.* Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy. Opole, 1991.
- Gregorczykova 1975 – *Grzegorzycykowa R.* Funkcje semantyczne i składniowe polskich przysłówków. Wrocław, 1975.
- Karolak 1984 – *Karolak S.* Składnia wyrażen predykatawnych // Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia / Pod red. Z. Topolińskiej. Warszawa, 1984.
- Miodońska 1978 – *Miodońska E., Kulawik A., Tatara M.* Zarys poetyki. Warszawa., 1978. S. 338–339.
- SSGCP – Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich / Pod red. K. Polańskiego. T. 1–5. Wrocław, 1980–1988.
- Wróblewski 1998 – *Wróblewski P.* Struktura, typologia i frekwencja polskich metafor. Białystok, 1998.
- Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999. С. 74–90.
- Мельчук 1995 – *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл–Текст». М.; Вена, 1995. С. 3–15.
- НОСС РЯ 1999 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руковод. акад. Ю. Д. Апресяна. Первый выпуск. М., 1999.